

Сначала шум был едва заметным. В тот момент Лю Гуюй уже лежал в постели, накрывшись одеялом и собираясь заснуть. Ночи в древности были тише и темнее, никаких лишних звуков, никакого городского шума. Удивительно, но, несмотря на куда более скромные условия, спалось здесь даже лучше.

В современном мире тревога, давление, стресс... Условия лучше, а сон - хуже. В первые дни после переселения он ещё воевал с комарами, но потом вскользь упомянул об этом дома. На следующий день Цинь Банбань сходила на гору Сяолу, накопила целую корзину каких-то диких корней и окурила ими комнаты. С тех пор ни один комар больше не осмелился явиться.

Лю Гуюй уже почти заснул, как вдруг за двором раздался яростный собачий лай, а следом крики мужчины, полный боли и брани:

— Чья собака кусается?!

— Люди, помогите! Кто-нибудь!

— Чья это псина, уберите её!

— Она же загрызёт меня!

...

После такого шума уж точно не уснёшь. Лю Гуюй перевернулся и сел, с растрёпанными волосами и явным раздражением на лице. Разбудить человека среди ночи - это преступление!

Хотя... голос показался ему знакомым.

Ещё сонный, он шурясь слез с кровати, накинул лежавшую рядом одежду и, зевая, направился к выходу. Не успел он дойти до двери, как из соседней комнаты послышались звуки - открылись двери, раздалась поспешные шаги. Видимо, это были Цуй Ланьфан и Цинь Жунши.

Вскоре снаружи раздался голос Цуй Ланьфан:

— Кто там?

Но ответил ей не тот мужчина, а другой голос - женский. Судя по звучанию, это была их соседка, Линь Синь-нян.

Линь Синь-нян сердито сказала:

— Это деревенский Эр Гоуцзы! У вас забор низкий, он хотел перелезть во двор! Хорошо, что мои Ахуан и Дахэй его заметили!

Едва она это произнесла, как Лю Гуюй открыл дверь своей комнаты и, ещё сонный, уставился наружу. Луна сегодня была полной, и при её свете можно было разглядеть происходящее. За забором становилось всё шумнее: Лю Гуюй различил высокого мужчину, поваленного на землю. Одна собака вцепилась ему в руку, другая в ногу, и стоило ему попытаться подняться, как они тут же с силой рвали и тянули его обратно.

Цуй Ланьфан уже вышла во двор, освещённый лунным светом, а Цинь Жунши стоял под навесом, спиной к Лю Гуюю. Услышав движение позади, юноша сразу обернулся. Лунный свет мягко ложился на его лицо, делая черты всё более чёткими. В тот миг, когда Лю Гуюй ясно его увидел, Цинь Жунши тоже заметил его. И будто увидел нечто пугающее, словно обжёгся, он мгновенно отвёл взгляд, резко отвернулся и тихо сказал:

— Этот негодяй, похоже, пришёл к тебе. Не выходи.

С этими словами он сделал два шага в сторону Лю Гуюя и, протянув руку, с грохотом захлопнул только что открытую дверь.

Лю Гуюй: «...»

Он сразу понял, что тот имел в виду. В этом мире к женщинам и гэртам относились особенно строго. Если дело разрастётся, то независимо от правды по деревне пойдут слухи, и для гэра это обернётся бедой. В соседней деревне пару лет назад уже был случай: одна девушка случайно упала в реку, её вытащил проходивший мимо мужчина. Было лето, одежда лёгкая, намокнув, она облепила тело, а мужчина вынес её на руках - всё это видели люди. И пошли пересуды.

Если бы тот мужчина захотел взять её в жёны, дело бы уладилось. Но он уже был женат. А девушка, не выдержав грязных слухов, через полгода сама бросилась в реку, и на этот раз её уже никто не спас.

Лю Гуюй понимал, почему Цинь Жунши его остановил. Но он также переживал, что Цуй Ланьфан не справится с этим подлым мерзавцем.

Услышав голос Эр Гоуцзы, Лю Гуюй сразу понял - тот пришёл именно к нему.

Вот же прилип, как смола - не отвяжешься!

Он ещё думал об этом, как вдруг дверь тихонько приоткрылась, и в щель протиснулась маленькая фигурка.

— ...Брат Лю.

Это была Цинь Банбань. Она спала в одной комнате с Цуй Ланьфан. Когда та вышла, велела ей сидеть внутри, но оставшись одна и услышав шум снаружи, девочка испугалась и тихонько пробралась к Лю Гуюю. Зайдя, она увидела, что он сидит на кровати. Неизвестно, что именно её заинтересовало - она наклонила голову, а затем быстро подбежала.

Тёплая маленькая ладошка легла ему на лоб, и мягким голосом она спросила:

— Брат Лю, а где твоя налобная повязка?

Повязка?! Лю Гуюй рефлексивно хлопнул себя по лбу и заодно попал по руке Банбань. Девочка обиженно поджала губы, убрала покрасневшую ладошку.

Лю Гуюй: «...»

И тут он вспомнил выражение лица Цинь Жунши... Так вот в чём дело - тот заметил, что он без повязки!

Сам Лю Гуюй к этому относился спокойно, ему даже казалось, что днём с повязкой слишком жарко. Но для гера это было обязательным: такая повязка закрывала пятно фертильности на лбу и считалась одним из самых интимных предметов одежды. Лю Гуюй хоть и ворчал, но носил её каждый день - раз уж попал в этот мир, приходилось соблюдать местные обычаи.

Но... что это вообще такое? Будто бельё наружу надел.

«Даже модно», — мысленно усмехнулся Лю Гуюй.

Продолжая ворчать про себя, он вытащил из-под подушки длинную тканевую ленту и повязал её на лоб - просто от усталости совсем забыл об этом.

Завязав повязку, он обернулся к Цинь Банбань. Та уже присела у двери, приоткрыв её на узкую щёлку, и украдкой выглядывала наружу. Лю Гуюй тоже подошёл и присоединился к ней: одна на корточках, другой стоя - две пары больших, блестящих глаз выглядывали во двор.

Снаружи уже собралась толпа - соседи, услышав шум, повыходили посмотреть. Кто-то выскочил в одной накидке, кто-то в домашних тапках, зевая и ворча - всех разбудили посреди ночи, и настроение у людей было соответствующее.

Они окружили Эр Гоуцзы и начали ругать его:

— Опять ты, мерзавец! К кому на этот раз лез?

— Щенок проклятый, ни дня спокойно не даёшь!

— Говори! Зачем ночью сюда пришёл?!

...

Эр Гоуцзы тоже заупрямился, задрал подбородок и, зажмурившись, выкрикнул:

— Я пришёл к своему любовнику! Лю Гуюй - мой человек!

Эти слова ошеломили всех вокруг - соседи замолчали, даже Линь Синь-нян на мгновение растерялась.

Первой опомнилась Цуй Ланьфан. Она вспыхнула от гнева и закричала:

— Да что ты несёшь!

Вот до чего довели добрую мать - уже ругаться начала!

Лю Гуюй даже мысленно цокнул языком.

Но вскоре ему стало не до иронии. Он заметил, что на любые слова Эр Гоуцзы Цуй Ланьфан может ответить только одно - покраснеть и возмущённо повторять: «Ты врёшь!», «Чепуха!», «Наговариваешь!»

Добрая... и, увы, не слишком находчивая мать.

Лю Гуюй потер лоб. Затем он повернулся к Цинь Банбань, взял её за плечи, присел и тихо сказал:

— Банбань, оставайся в комнате, никуда не выходи. Я пойду посмотрю.

Сказав это, он распахнул дверь и вышел во двор.

— Брат Лю! Второй брат велел тебе не выходить! — тихо крикнула вслед Цинь Банбань.

Но то ли голос её был слишком слаб, то ли Лю Гуюй просто не обратил внимания - он не

остановился и быстрым шагом направился вперёд.

Едва выйдя, он столкнулся с Цинь Жунши. Тот и без того хмурился от злости на Эр Гоуцзы, собирался что-то сказать, но, увидев Лю Гуюя, нахмурился ещё сильнее и тихо спросил:

— Я же сказал тебе не выходить.

Лю Гуюй не ответил. Он лишь легонько хлопнул его по голове и с улыбкой сказал:

— Взрослые сами разберутся со своими делами. А ты иди спать! В твоём возрасте не будешь высыпаться - не вырастешь!

Он даже нарочно округлил глаза, будто пугая.

Цинь Жунши: «...»

На мгновение ему показалось, что ему не тринадцать, а три года - настолько по-детски его сейчас уговаривали.

Увидев, что Лю Гуюй вышел, Эр Гоуцзы завопил ещё громче:

— Вот он! Вышел! Не верите - спросите его сами! Пусть скажет, не мой ли он человек!

Лю Гуюй усмехнулся. «Мой человек», «не мой»... да у этого типа явно с головой не всё в порядке! Даже если бы это был прежний хозяин тела, он бы сейчас ни за что такого не признал.

Лю Гуюй сделал пару шагов вперёд, заметил стоящую у ворот Линь Синь-нян и крикнул:

— Тётушка Линь, одолжите лампу!

Та, хоть и не понимая, к чему это, всё же протянула ему масляный фонарь.

Лю Гуюй взял его, подошёл ближе к Эр Гоуцзы и внимательно оглядел его. Тот, увидев его рядом, попытался схватить, но две собаки, державшие его, тут же сильнее вцепились - оскалив белые клыки и угрожающе рыча.

— Ай! Больно! Да оттащите этих тварей! Больно же! — завыл он.

Цуй Ланьфан, встревожившись, хотела было подойти и оттащить Лю Гуюя, но тот

успокаивающе похлопал её по руке.□

— ...Гуюй!

Лю Гуюй наклонился, присмотрелся, а затем вдруг сделал вид, будто испугался, отпрянул назад и, причитая, начал отступать. Он изобразил отвращение, будто увидел нечто ужасное, и с брезгливостью сказал:

— Ты что, зеркала не видел? Или хоть помочись и в лужу заглядывай иногда! На себя посмотри! Худой, как палка, того и гляди, ветром переломит! Рожа вся в оспинах, глаза как две зелёные горошины, а голова такая острая, что шапка не держится! Я что, ослеп, чтобы на тебя польститься?!

Он оглядел его с головы до ног и добавил:

— Да рядом с тобой даже эти псы Ахуан и Дахэй красавцами кажутся! Все вроде собаки*... а ты почему такой страшный?

(ПП: Эр Гоуцзы буквально означает «Вторая собачка» или «Пёс номер два». Это типичное деревенское прозвище, которое давали детям, чтобы «обмануть злых духов»)

На этих словах толпа, до этого притихшая, не выдержала - раздался смех. Никто не ожидал, что можно так извернуться!

Линь Синь-нян первой подхватила:

— Верно сказано! Чтобы Лю-гэр на тебя польстился - да ни за что!

Остальные тоже загалдели:

— Точно!

— Правильно говорит!

— Хотя... муж у Лю-гэра давно в отъезде... мало ли... Эр Гоуцзы хоть и страшный, но всё же мужик!

— Да что ты несёшь!

— Тогда скажи, чего он сюда ночью припёрся?!

— Чего... чего... да просто к вдове полез, решил, что можно обидеть!

Люди спорили, кто-то верил, кто-то нет, а кто-то просто радовался зрелищу, лишь бы было о чём поговорить.

Но Лю Гуй понимал: раздувать это нельзя. Он уже собирался что-то сказать, как вдруг стоявший за его спиной Цинь Жунши шагнул вперёд.

Он сказал:

— Недавно к нам приходил человек из другой местности, привёз вещи моего старшего брата и заодно передал десять лян серебра в качестве пособия. В тот день многие из вас это видели, в деревне об этом знают... Не исключено, что он пришёл за деньгами.

Голос юноши был негромким, но чётким - каждое слово звучало ясно и уверенно. Он был одним из немногих в деревне, кто сдал экзамен на степень «туншэн». Пусть семья и обеднела, и путь к дальнейшим экзаменам был закрыт, но никто уже не воспринимал его как простого мальчишку.

— К-красть деньги?!

— Похоже на то!

— Точно, так и есть!

...

Толпа, ещё недавно наблюдавшая за происходящим ради развлечения, теперь вспыхнула негодованием. Люди заговорили наперебой, а кто-то уже предложил позвать старосту.

Эр Гоуцзы и раньше славился мелким воровством - то курицу утащит, то что-нибудь по мелочи. Но он был свой, деревенский, и к нему относились снисходительно: максимум отругают или пару раз ударят и на этом всё.

Но деньги - совсем другое дело. Если он действительно пришёл красть серебро, то и руки-ноги переломать не грех!

Эр Гоуцзы лежал на земле, израненные руки и ноги кровоточили от укусов собак, но он даже не стонал, только яростно уставился на Цинь Жунши и заорал:

— Щенок! Что ты мелешь?! Кто у вас деньги крал?! Я не трогал!

Но ему уже никто не верил. Более того, нашлись и такие, кто не поленился и побежал за старостой.□□

<http://bllate.org/book/17177/1612312>